

УДК 913; 327

А. Б. Волынчук¹, В. Г. Шведов²

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ³

В статье рассмотрены вопросы, связанные с геополитическим освоением Россией Северной Америки в период XVII – XIX вв. Изучены геополитические интересы и цели России, а также созданная ею система территориально-политического контроля в регионе. Предложен авторский взгляд на причины неудач территориальной экспансии.

Ключевые слова: геополитическое исследование, геополитическое освоение Северной Америки, политико-территориальные процессы, Русская Америка.

Четыре столетия Россия является активным участником всех геополитических процессов, протекающих в пределах Северной Пацифики [10]. Казалось бы, что за этот, весьма продолжительный срок геополитические предпочтения страны должны были быть ясно сформулированы и иметь чёткие очертания. Однако современное состояние дел России на её дальневосточных рубежах не позволяет с уверенностью говорить об этом. Несмотря на видимое усиление геоэкономической и геополитической активности в западных регионах страны, на Тихом океане Россия по-прежнему находится в своеобразном «нокауте». Длительное, более двадцати лет, отсутствие сколько-нибудь внятной позиции по дальнейшему обустройству своих восточных земель привело не только к катастрофическому ухудшению социально-экономического состояния Дальневосточного региона, но и к изменению в нем геополитического баланса сил. И, к сожалению, эти изменения произошли не в нашу пользу. Хочется верить, что ситуация не перешла

¹ © Андрей Борисович Волынчук, канд. геогр. наук, доцент кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: i-abv@yandex.ru.

² © Вячеслав Геннадьевич Шведов, д-р геогр. наук, профессор кафедры социально-экономической географии Дальневосточной социально-гуманитарной академии, E-mail: i-svg@yandex.ru

³ Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Рособразования «Развитие научного потенциала высшей школы» (проект №2.1.3/10373).

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

«точку невозврата». В противном случае XXI столетие может стать для России веком громадных территориальных потерь. В этой связи небезынтесным представляется опыт Российской империи в геополитическом освоении территории Северной Америки [3].

Россия приступила к экспансии в пределах современных США позже других государств. Это было предопределено затяжным политическим кризисом, сковавшим её внешнюю активность в конце XVI – начале XVII вв., отсутствием комфортного выхода в моря и географическими особенностями динамики её внешних рубежей. Русские приближались к Северной Америке по суше, преодолевая труднодоступную Сибирь. Такое продвижение было логичным этапом формирования территории Российского государства, которое обусловлено:

- интересом к биологическим и минеральным ресурсам Зауралья;
- стремлением не остаться в стороне от начавшегося процесса раздела мира, поставить под контроль соседствующие на северо-востоке «ничейные» земли¹, куда началось проникновение держав-конкурентов².

К середине XVII в. фронтир России достиг Охотского моря, где разделился на два вектора. Один из них нацелился на Амур, другой – на Чукотку и Камчатку. Эти земли, несмотря на суровость природно-климатических условий, обладали двумя факторами привлекательности:

- всё говорило в пользу огромных запасов сосредоточенных в их пределах биоресурсов;
- здесь не прогнозировалось столкновение, подобное тому, которое имело место в Приамурье, где начался затяжной конфликт с Империей Цин.

Для полного выяснения имеющейся диспозиции в 1648 г. от устья Колымы двинулась экспедиция Ф. Попова и С. Дежнёва. Следуя береговой линии, она обогнула Чукотку и вышла в Тихий океан. Формально этот эпизод не связывается с открытием северо-западной части Северной Америки, т.к. землепроходцы на её территории не высаживались. Однако это не означает, что они не стали обладателями соответствующих сведений.

Ширина Берингова пролива составляет 86 км, и его широтное пересечение было для аборигенов рядовым событием. Попову и Дежнёву для его преодоления с севера на юг из-за сложных навигационных условий и столкновений с чукчами потребовалось больше месяца (август – сентябрь 1648 г.). За такой срок, контактируя с местным

¹На всём протяжении от Урала до Охотского и Берингова морей Россия столкнулась с единственным государством – татарским Сибирским ханством. Остальное означенное пространство занимали догосударственные аборигенные образования.

²В конце XVI – начале XVII вв. поиск пути в Сибирь по Северному Ледовитому океану активно вёлся англичанами и голландцами.

населением, они не могли не узнать о расположенной далее к востоку «Большой земле». Дежнёв позже сообщал: «А против того Носу (мыс Дежнёва – авт.) есть два острова» [6, С. 292] – расположенные посередине Берингова пролива острова Диомида. И неверно полагать, что, обладая знанием о столь мелком объекте, члены экспедиции упустили из внимания другой – несравненно более крупный.

Наконец, по свидетельствам современников, Пётр I при планировании Камчатской экспедиции располагал внятыми сведениями о факте близкого схождения Азии и Северной Америки в высоких широтах [7]. Поскольку другие экспедиции в район Берингова пролива с середины XVII до начала XVIII вв. не направлялись, правомерно полагать, что эти сведения были почерпнуты из материалов, представленных в своё время Дежнёвым.

«Взрыв» территориально-политической активности России в Новом Свете в начале XVIII в. был обусловлен следующими причинами:

– модернизация страны и тяжёлые затяжные войны, которые она вела за выход в моря Атлантики, требовали огромных расходов. Они восполнялись, в том числе, и за счёт усиленной эксплуатации биологических ресурсов Сибири и Дальнего Востока¹. А дальнейшее продвижение в восточном направлении указывало на их нарастающее изобилие;

– желанием не отстать от других европейских стран в колониальном разделе Северной Америки.

Начало этому процессу положила разработка в 1724 г. Петром I проекта проведения Камчатской экспедиции – долгосрочного мероприятия, призванного помимо всего прочего приобрести территориальные позиции в Северной Америке. В инструкции, выданной Петром I командору В.И. Берингу, указывалось: «Возле земли, которая идёт на nord ... искать, где она сошлась с Америкой ... и самим побывать на берегу» [6, С. 92].

Выполняя эту задачу, геодезист М.С. Гвоздев организовал в 1732 г. высадку на мысе Нихта². По действовавшему международному праву это означало установление суверенитета над данной территорией. Но «точечное» территориально-политическое присутствие в Северной Америке, разумеется, не удовлетворяло российское правительство. В инструкции, полученной Берингом в 1740 г. от императрицы Елизаветы, говорилось: «Во изыскании же Америки может быть великая польза» [8, С. 536].

¹Россия являлась крупнейшим экспортёром пушнины и моржового клыка, занимала 3-4 место в мире по производству продукции китобойного промысла. Благодаря добыче ископаемых мамонтовых бивней она в XVIII в. по объёму поставок на международный рынок слоновой кости уступала лишь Африке.

²В 1734 г. Беринг назвал эту точку мысом Гвоздева. В 1778 г. переименован Дж. Куком в мыс Принца Уэльского.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ожидалось, что основное противодействие Россия встретит на юго-востоке, со стороны Испании и Великобритании. Поэтому в этом направлении в 1741 г. отправились корабли Беринга и его заместителя А.И. Чирикова, достигшие залива Аляска и архипелага Александра. Следов пребывания здесь европейцев обнаружить не удалось. Через год Сенат заслушал вопрос о возможности продвижения вдоль тихоокеанского побережья Северной Америки до «Мексиканской провинции» [8].

Данный территориальный охват объяснялся:

- стремлением к монополизации обладания природными ресурсами западного побережья континента;
- предположением о том, что южнее архипелага Александра могут находиться более комфортные в климатическом отношении, а, следовательно, пригодные для массовой колонизации территории;
- намерением предотвратить здесь территориально-политическую экспансию других европейских государств.

В течение 1743 – 1764 гг. на Алеутских островах и материковом побережье от мыса Гвоздева до полуострова Кенай побывали 70 частных русских экспедиций, которым надлежало наладить систему получения доходов с новых владений и привести к подданству местное население. За эти годы промысловики внесли в казну 200 тыс. рублей налоговых отчислений [1]; российское подданство приняли все прибрежные поселения эскимосов и алеутов. При этом процесс их подчинения протекал в основном мирно¹, поскольку промысловики обязывались действовать в рамках «Инородческого уклада» – документа, принятого ещё в XVII в. и регламентировавшего отношения с коренным населением.

Эти успехи позволили объявить в 1764 г. об учреждении владения Русская Америка, или Аляска, которое на момент декларации занимало одноимённый полуостров, Алеутские острова и береговую полосу от мыса Гвоздева до полуострова Кенай. Но эти рубежи не считались предельными. На совещании при Екатерине II в 1782 г. было принято решение о дальнейших территориальных приобретениях в Северной Америке. Его надлежало исполнить представителю сибирского купечества Г.И. Шелихову. С 1784 по 1794 гг. он расширил фронтир Русской Америки на северо-востоке вверх по течению Юкона, а на юго-востоке начал продвижение к архипелагу Александра. Для закрепления достигнутых на этом направлении позиций были возведены форт Святого Ильи на острове Кадьяк и укрепленные пункты на берегу Чугатского залива и на острове Якутат.

Итак, к концу XVIII в. Россия считала своим владением территорию, простиравшуюся несколько к западу от 140° ЗД через

¹ Незначительные стычки с алеутами на полуострове Аляска имели место в 1763 – 1764 гг.

верховья рек Дикобразовой (Поркьюпайн), Юкона, Тананы, снова Юкона. Далее эта прямая линия принимала изломанный абрис, переходя на Береговой хребет, северо-западный склон Скалистых гор и далее – от водораздела между истоками рек Лизард и Скина к побережью Тихого океана южнее оконечности архипелага Александра. Это был весомый территориально-политический успех. Но, как и у иных европейских стран в Новом Свете, он сопровождался серьёзными проблемами:

- на большей части Аляски царили экстремальные природно-климатические условия. Для проживания европейского населения подходила лишь прибрежная полоса от полуострова Кенай до архипелага Александра;

- фактическая изоляция Аляски от основной части страны. Она была не просто предельно удалена от Европейской России; их разделяла столь же слабо освоенная и заселённая, обладающая суровым климатом и труднодоступными ландшафтами Сибирь;

- нежелательное внешнее внимание к Аляске. Сведения о богатстве её биоресурсов скоро стали международным достоянием, и с 1775 г. в её территориальных водах начали появляться зарубежные браконьеры, в основном англичане, испанцы, гамбургцы;

- ранее отношения с коренным населением развивались в целом ровно. Однако на архипелаге Александра русские вступили в контакт с кланами тлинкитов, которых обобщённо именовали «колошами». Их развитое территориально-политическое самосознание и воинствующие ментальные установки серьёзно осложняли ситуацию.

Эти позиции были столь очевидны, что в конце XVIII в. губернатор Русской Америки А.А. Баранов сообщал в Петербург: «Силы же наши там весьма недостаточны» [4, С. 148].

К этому времени перед американскими владениями России чётко обозначились три основные проблемы:

- поиск продовольственных и перевалочно-торговых баз на южном направлении;

- регулирование отношений с колошами;

- защита от внешнего давления.

Их решению должно было способствовать учреждение в 1799 г. Российской Американской компании (РАК)¹. По замыслу её создателей, Шелихова и Баранова, частный капитал сибирских купцов за определённые экономические привилегии должен был взять на себя заботы по освоению и обороне Русской Америки, а также по расширению её территории. Однако надо заметить, что в территориально-

¹Чаще встречающееся в литературе название этой организации «Российско-Американская компания» в годы её существования не употреблялось и является неверным.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

политическом плане этот шаг в значительной степени был формальным. Действия руководства компании в большинстве контролировались официальным Петербургом, который либо санкционировал, либо корректировал их (причём далеко не всегда удачно).

Одним из первых шагов РАК стал поиск южных баз. В 1802 г. она инициировала организацию первой российской кругосветной экспедиции под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, с помощью которой надеялась решить проблему создания опорных пунктов в низких широтах Пацифики. Этим объясняется та целенаправленность, с которой русские корабли, войдя в Тихий океан, направились в 1804 г. к Гавайям.

В начале XIX в. удалённое положение этих островов в значительной степени являлось фактором сдерживания европейской экспансии. Между тем здесь сложилось несколько ранних государств, которые боролись за контроль над архипелагом. Для аборигенной знати эта борьба имела истребительный характер. Поэтому Тамеамеа, король островов Кауаи и Ниихау, выразил желание принять российский протекторат. В 1806 г. на Гавайи прибыл эмиссар РАК С.Л. Слободчиков, заключивший договор об аренде острова Кауаи и возведения на нём крепости Святой Елизаветы.

Эти контакты вызвали раздражение «великого» короля Камехамеа I, стремившегося к объединению Гавайев под своей властью. Его переговоры с новым представителем РАК Г. А. Шеффером и официальным послом России О. Е. Коцебу (1815 г.) прошли в напряжённой обстановке. Ситуацию усугубил распространённый англичанами слух, что Тамеамеа при поддержке русских готовится к захвату островов Оаху, Мауи и Молокай.

Ни этот правитель, ни РАК не располагали силами, которые позволили бы осуществить подобную акцию. Тем не менее, в 1817 г. белые наёмники Камехамеа I обманом захватили крепость Святой Елизаветы, ликвидировав тем самым русское территориально-политическое присутствие на Гавайях.

Необходимо заметить, что ещё в 1814 г. Баранов составил проект усиления позиций России на архипелаге. Позже представления руководства РАК о необходимости восстановления контроля над островом Кауаи направлялись в Петербург в 1819 и 1821 гг. Их дополнил запрос короля Камехамеа II от 1820 г. о принятии российского протектората. Но эти обращения не имели положительного отклика. Обычно данная реакция объясняется нежеланием Петербурга обострять отношения с претендовавшей на Гавайи Великобританией. Но решающую роль здесь, видимо, сыграло руководство в те годы российской внешней политикой такой личностью, как К.В. Нессельроде. Его профессиональная бездарность

была безгранична¹. Например, в обретении расположенного в центре Тихого океана архипелага он не видел «резона» [9].

Успешнее оказалась попытка русских приобрести южную базу на материковом побережье Северной Америки. В 1803 г. с Аляски в Калифорнию была направлена морская экспедиция И.А. Кускова, который, высадившись в 80 км к северу от Сан-Франциско и игнорируя испанскую колониальную администрацию, вступил в контакт со старейшинами индейцев. С ними и был заключён договор о приобретении земельного участка, на котором состоялась закладка укрепления Форт-Росс. Его сооружение на территории, считавшейся владением другой страны, являлось территориально-политическим казусом только лишь на первый взгляд ввиду следующих причин:

– Испания к тому времени обратилась в вассала наполеоновской Франции, а с 1808 г. фактически в её протекторат. Потому с её суверенными правами уже мало кто считался.

– Россия являлась участником антинаполеоновской коалиции. Таким образом, она находилась в состоянии войны с Испанией.

Учитывая последнее обстоятельство, следует отдать должное обеим странам, которые воздержались от взаимного применения военной силы в Калифорнии. Напротив, отношения между ними здесь развивались в русле спокойного диалога. В 1806 г. состоялись переговоры между представителем российского правительства Н.П. Рязановым и губернатором Калифорнии Х. де Арильягу, где была принята договорённость о сохранении сложившегося территориального статус-кво. Во время наполеоновского вторжения в Россию (1812 г.) министр иностранных дел испанского правительства в изгнании Х. де Луяну направил вице-королю Новой Испании предписание о недопустимости ведения боевых действий против русских в Калифорнии.

Эти успехи воодушевили русских на занятие опорных пунктов в Орегоне. В 1808 г. новая экспедиция Кускова выставила на его побережье, на 41° и 38° СШ и в заливе Бодего, пограничные знаки. Но вскоре РАК получила сведения, что данная территория уже является узлом англо-американских противоречий. Учитывая сложность международной обстановки, было принято решение отказаться от дальнейшей активности в Орегоне и целиком сосредоточиться на развитии Форт-Росса. Тем более что он вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды.

С 1812 г. в его хинтерланде для нужд Аляски было налажено производство зерна, винограда, фруктов, овощей, мяса. В 1818 г. в Форт-Россе была возведена военная верфь. Таким образом, этот южный анклав

¹За многочисленные промахи в области внешней политики современники звали его министром «антирусских дел».

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

обратился в важное территориальное звено Русской Америки и опорный пункт укрепления её позиций в Северной Пацифике.

Ситуация вокруг него начала меняться в связи с провозглашением независимости Мексики, правительство которой заявило о необходимости установления контроля над всеми землями, входившими ранее в состав вице-королевства Новая Испания. При этом данный демарш имел избирательный характер: Мехико «забыло» о бывшей принадлежности Луизианы Испании, но сосредоточилось вокруг «проблемы Форт-Росса».

Переговоры 1816 г. в Сан-Франциско между представителем официального Петербурга и РАК О. Е. Коцебу, с одной стороны, и губернатором Калифорнии П. де Сола – с другой, выявили твёрдость позиции мексиканцев, которые, впрочем, подчёркивали, что намерены добиваться решения вопроса исключительно дипломатическим путём. В этом они опирались на помощь США, которые направили в 1823 г. в адрес Петербурга «ноту Монро». Этот демарш, по сути, предопределил судьбу Форт-Росса.

Серьёзной внутренней проблемой Аляски являлись отношения с колошами. Большинство их кланов были раздражены строительством на их территории форта Якутат. Поэтому реакция колошей на возведение в 1802 г. южнее Якутата нового русского форта, Ситхи, была мгновенной и острой: Ситха была захвачена, а её население перебито.

Несмотря на это крупное поражение, РАК не обнаружила намерений к отступлению и в 1804 г. получила подкрепление: корабль «Нева» под командованием Лисянского, который подверг обстрелу поселения колошских кланов, уличённых в нападении на Ситху. Сожжённый форт был восстановлен под названием Ново-Архангельск, и в него из Кадьяка был перенесён административный центр Русской Америки.

В дальнейшем отношения с колошами балансировали на грани войны. В 1805 г. они уничтожили Якутат и пытались штурмовать Ново-Архангельск. Обстановка отчасти стабилизировалась к 1821 г. при посредничестве центрального российского правительства, которое под влиянием царивших при дворе Александра I либеральных веяний обязало РАК соблюдать ряд стеснявших её пунктов. Так, ей запрещалось приобретать за деньги и занимать силой оружия земли колошей, возводить новые форты, взимать с них налоговые сборы. Компании с трудом удалось отстоять введённый ею запрет на продажу индейцам огнестрельного оружия и алкоголя.

Впоследствии в системе отношений «РАК – колоши» российское правительство занимало позицию в пользу последних [4]. Например, в 1842 г. был введён титул верховного вождя колошей, напрямую подчинённого Петербургу. Тогда же РАК фактически лишилась своего

«компанейского» статуса, т.к. должность её управляющего перестала быть выборной; на неё отныне назначался военный чиновник из столицы.

Разумеется, колоши не могли разобраться в тонкостях отношений между Ново-Архангельском и Петербургом и считали их разными, едва ли не противостоящими сторонами. Среди кланов произошёл внутренний раскол. Одни из них ориентировались на «ближних русских», а другие – на «дальних». Это разделение продемонстрировали события 1825 г., когда одна часть колошей организовала новое нападение на Ново-Архангельск, а другие встали на его защиту.

Итак, «индейскую проблему» решить на Аляске не удалось. Во многом этому способствовал фактор негативного внешнего воздействия.

Географическая изолированность Аляски от Центральной России не была преодолена и в XIX в. К тому же имевшийся в стране крепостной строй препятствовал возможности организации сколь-нибудь заметного по масштабу заселения её территории. К середине столетия на Аляске проживало не более 1 тыс. русских, из которых почти ½ была сосредоточена в Ново-Архангельске. А при маленьком количестве колонистов эффективно контролировать такую огромную территорию было крайне сложно, существенно снижался региональный геополитический потенциал Русской Америки [2].

Между тем Аляска стала объектом пристального внимания со стороны Великобритании, которая намеревалась создать в Северном полушарии гигантский пояс непрерывных колониальных владений от Канады через Сибирь и Среднюю Азию до Индии. По большей части он должен сформироваться за счёт российской территории, а Аляске в нём, помимо всего прочего, отводилась роль связующего звена между американским и азиатским секторами.

Важным «инструментом» английского давления стало браконьерское сообщество. Если в XVIII в. это оно представляло собой неорганизованное сборище грабителей природных ресурсов Тихоокеанской России, то в следующем столетии его облик изменился. Браконьеры образовали международный криминальный синдикат под патронажем Великобритании. Их штаб-квартира располагалась в Гонконге, где они не только сбывали добычу, но и имели возможность ремонтировать корабли, закупать оружие. Здесь британские военно-морские силы снабжали их картами и лоциями, позволяли вербовать в свои ряды офицеров и матросов.

К середине XIX в. у берегов Русской Америки ежегодно фиксировалось до 250 браконьерских судов [5]. Они наносили России не только колоссальный материальный, но и огромный политический ущерб. На аляскинском побережье создавались укрепленные пункты, провозглашались эфемерные «республики», совершались нападения на

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

русских пограничников, купцов и поселенцев. Подобные действия являлись действенным доказательством крайней недостаточности сил страны на её восточном фланге.

Браконьеры сеяли антироссийские настроения среди коренного населения. И если среди алеутов их усилия были безуспешны, то у колошей имели внушительный успех. Индейцам в большом количестве поставлялись огнестрельное оружие и алкоголь. Браконьеры напрямую руководили их враждебными акциями. Так, штурмом Ситхи в 1802 г. руководили «белые вожди», которых затем принял на борт английский корабль.

Осложнив положение Аляски со стороны океанической акватории, Великобритания приступила к действиям с материка. В 1824 г. в счёт погашения кредитов наполеоновских войн она получила часть российской территории между 60° и 54° СШ со смещением границы от верховий рек Пелли, Лиард и Скина к водоразделу Берегового хребта. Рубеж на этом отрезке теперь проходил на расстоянии всего 10 морских миль (55,6 км) от береговой линии с учётом всех её изгибов. Это приобретение позволило англичанам возыметь со стороны Канады прямое соседство с землями колошей и многократно усилить поставки им контрабандного спирта и оружия. В результате ситуация на юге Аляски настолько осложнилась, что РАК в 1840 г. сочла за благо мирно уступить англичанам свой крайний южный форпост – располагавшийся на 54° 40' СШ Дионисьевский редут.

Лишь в 1850 г. российское правительство приняло решение о начале патрулирования тихоокеанских вод силами военно-морского флота. Но эта мера оказалась явно запоздалой. Начало Крымской войны (1854 г.) Аляска встретила фактически беззащитной перед вражеским вторжением.

От англо-французской оккупации она была спасена дипломатическим манёвром. В связи с началом войны правление РАК заключило с руководством Американской меховой компании фиктивный договор о «сдаче в аренду» ей Аляски на три года. По этой причине интервенты не решились атаковать территорию, «принадлежавшую» нейтральной стороне.

Американская меховая компания закончила срок своей аренды досрочно в связи с окончанием войны. Однако прецедент передачи Аляски под иностранный контроль был создан.

Крымская война стала апогеем англо-российских противоречий. Англичане и их союзники не скрывали, что намерены получить крупные территориальные приобретения за счёт дальневосточной России. Однако англо-французский экспедиционный корпус потерпел поражение у Петропавловска-Камчатского (1854 г.), Николаевска-на-Амуре и Императорской Гавани (1855 г.) (11, 225). Поэтому, какими бы ни оказались общие итоги Крымской войны, Россия отстояла право

оставаться тихоокеанской державой. И этот факт достаточно быстро принёс геополитические плоды.

Тем не менее, итоги геополитического освоения Россией американского континента представляются неоднозначными. С одной стороны, Петербург оказался лидером территориально-политической активности в значительной части Северной Пацифики. С другой стороны, выйдя за пределы Северо-Восточной Азии, Россия плотно соприкоснулась с ведущими европейскими государствами того времени: Великобританией, Францией, Испанией, что сделало Русскую Америку крайне уязвимой перед лицом внешней агрессии.

Однако по окончании войны страна обозначила себя на фоне новых территориальных приобретений в бассейне Амура, которые требовали значительных усилий для освоения. Пожалуй, впервые за свою историю Россия испытала «бремя суверенного пространства». Следствием этой проблемы стало принятие достаточно рискованного проекта «временного сжатия», согласно которому Россия добровольно ушла из Северной Америки и сосредоточилась на политико-экономической интеграции «ближнего пояса» – Приамурья, Приморья, Сахалина и Камчатки.

Критика «Аляскинского демарша» имеет в отечественной литературе настолько высокий порог, что за ним не просматриваются соображения, которыми руководствовалось в данном случае правительство Александра II. Здесь отнюдь не предпринята попытка их реабилитации. Но они должны быть приведены для ознакомления:

- промысловая охота на Аляске из-за истощения ресурсов потеряла сверхприбыльность. Иные формы её эксплуатации не просматривались¹;
- кампания 1854 – 1855 гг. показала, что Россия не обладает военными средствами для эффективной защиты Аляски. Тем самым сохранялась возможность её захвата Великобританией, отношения с которой продолжали оставаться напряжёнными. В такой обстановке «меньшим из возможных зол» представлялась продажа этой территории дружественной стране²;

¹Это же соображение послужило причиной того, что утверждение акта о покупке Аляски прошло в Конгрессе США только с третьей попытки.

²С момента образования США и вплоть до конца XIX в. их отношения с Россией следует рассматривать исключительно в контексте активного стратегического партнёрства. Оно базировалось на общей антибританской основе, а наиболее яркими примерами его практического выражения стали «вооружённый нейтралитет» России во время американской войны за независимость, а также всесторонняя поддержка ею федерального правительства США в Гражданской войне (мятежный Юг пользовался помощью Великобритании). В Пацифическом геополитическом пространстве российско-американское партнёрство опиралось на соглашения 1812 и 1824 гг., которые

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

– новые территориальные приобретения в бассейне Амура, с одной стороны, потребовали для своего «полноценного» освоения крупных затрат; с другой – вложения таковых сулили обернуться значительным усилением позиций России на непосредственно прилегающих к её рубежам территориях Центральной и Восточной Азии. Эта перспектива казалась более весомой, чем затрата усилий на удержание далёких владений в Америке.

По всем этим соображениям было решено закрыть для страны «Американский вопрос» и сосредоточить её внимание на Дальнем Востоке.

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. – М.: Наука, 1982. – 288 с.

2. Волынчук А.Б. Опыт предварительного определения состава геополитического потенциала / А. Б. Волынчук, В. Г. Шведов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 13 (114). – С. 41 – 52.

3. Волынчук А.Б. Россия в Северо-Восточной Азии: вектор геополитических интересов / А. Б. Волынчук // Россия и современный мир. – 2009. – № 3 (61). – С. 120 – 134.

4. Истомин А.А. Русско-глинkitские контакты (XVIII – XIX века) // Исторические судьбы американских индейцев / отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1985. – С. 146 – 155.

5. Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск: АКИ, 1959. – 255 с.

6. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. – М.: Просвещение, 1984. – Т. III. – 319 с.

7. Майков Л.Н. Рассказ Нартова о Петре Великом // Записки Академии наук, 1891. – Т. LXVII. – Прил. №6. – С. 99.

8. Русская тихоокеанская эпопея. – Хабаровск: ХКИ, 1979. – 607 с.

9. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьёв. – М.: Эксмо, 2009. – 1024 с.

10. Шинковский М.Ю. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа): монография / М. Ю. Шинковский, В. Г. Шведов, А. Б. Волынчук. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 338 с.

предусматривали раздел сфер территориальных интересов на западном побережье Америки и совместные меры по борьбе с браконьерством, материальному обеспечению и защите от внешних посягательств владений обеих стран. Следует признать, что наличие этих договорённостей сыграло важную роль в предотвращении английского вторжения на Аляску в 1854 – 1855 гг.